

Фольклорные элементы сквозь призму романтизма в цикле «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя

Oštrek, Tena

Undergraduate thesis / Završni rad

2022

Degree Grantor / Ustanova koja je dodijelila akademski / stručni stupanj: **University of Zagreb, Faculty of Humanities and Social Sciences / Sveučilište u Zagrebu, Filozofski fakultet**

Permanent link / Trajna poveznica: <https://um.nsk.hr/um:nbn:hr:131:511644>

Rights / Prava: [In copyright](#) / [Zaštićeno autorskim pravom](#).

Download date / Datum preuzimanja: **2023-11-30**

Repository / Repozitorij:

[ODRAZ - open repository of the University of Zagreb Faculty of Humanities and Social Sciences](#)

Sveučilište u Zagrebu
Filozofski fakultet
Odsjek za istočnoslavenske jezike i
književnosti
Katedra za rusku književnost

Završni rad

***ФОЛЬКЛОРНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ РОМАНТИЗМА В ЦИКЛЕ
«ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ» Н. В. ГОГОЛЯ***

student: Tena Oštrek

mentor: dr.sc. Jasmina Vojvodić, red. prof.

ak. god.: 2021./2022.

U Zagrebu, rujan 2022.

University of Zagreb
Faculty of Humanities and Social Sciences
Department of East Slavic languages and literatures
Chair of Russian literature

Undergraduate thesis

***FOLKLORE ELEMENTS THROUGH THE PRISM OF ROMANTICISM IN GOGOL'S
"EVENINGS ON A FARM NEAR DIKANKA"***

student: Tena Oštrek

mentor: Jasmina Vojvodić, Ph. D., Professor

Academic Year: 2021./2022.

Zagreb, September 2022

Содержание

1. Введение.....	4
2. Романтизм и фольклорные элементы в <i>Вечерах на хуторе близ Диканьки</i>	5
2.1. Романтизм и отношение к легендам.....	5
2.2. Герой в романтизме.....	5
2.3. Романтизм и фантастика	6
2.4. Эмоциональность и атмосфера произведения.....	8
3. Материальное культурное наследие.....	10
3.1. Деревня и вокруг нее.....	10
3.2. Внешность, одежда и аксессуары.....	12
4. Нематериальное культурное наследие.....	13
4.1. Еда и телесность.....	13
4.2. Обычаи и праздники.....	14
4.3. Музыка, песни и танцы.....	15
5. Заключение.....	17
6. Литература.....	18

1. Введение

Разные литературоведы, как например Александар Флакер, считают Гоголя писателем стилевой формации реализма.¹ Гоголь глубоко повлиял на русский реализм, особенно если имеем в виду его более позднее творчество, к которому принадлежат *Петербургские повести* и его роман *Мертвые души*. Его творчество принимает характеристики реализма еще во время его ранних произведений. Реалистичные оттенки являются в сборнике *Миргород*, с новыми изображениями возможной фантастики² и жизни пожилых помещиков в повести *Старосветские помещики*. Имея все это в виду, правда сказать, что Гоголь действительно писатель реализма. Но, если возможно взять и проанализировать его первый прозаический цикл, *Вечера на хуторе близ Диканьки* (1831, 1832), тогда он входит в рамки романтизма. Цикл *Вечера на хуторе близ Диканьки* — это повести, в которых в центре внимания народная жизнь хутора недалеко от села Диканька. Именно образ жизни народа, и все, что принадлежит этому понятию, есть почва этого произведения Гоголя. Народная жизнь, легенды и обычаи людей Диканьки — это «кислород», который вдыхает жизнь в цикл *Вечеров*. Он пишет обо всем: «У Гоголя [...] сохраняется тенденция расширения предмета изображения до целого региона, мира. [...] Диканька поставлена в центр всего» (Манн 1976: 334). Гоголь изображает жизнь Диканьки настолько интенсивно, из-за чего, читая этот цикл повестей, можно почти чувствовать запахи черешен и яблонь на природе и вареников из сельской хаты, которые приготовила хозяйка. Танцы, музыка и музыкальные инструменты, множество народа на ярмарках и свадьбах, народные легенды; все нити, переплетающиеся в многоцветные вытканые узоры роскошного гобелена, который раскрывает фольклорную традицию Диканьки на всех социальных уровнях ее жителей. В повестях цикла рассказчики своим слушателям путем сплетни как повествовательного принципа (Vojvodić 2000: 35) описывают разные образы жизни бедных и богатых людей, их поверья, суеверия, легенды и праздники. Описывается где и как жители Диканьки живут, как спят, что едят и как пьют, т. е. вся материальная и нематериальная культура. Интерес к использованию фольклорных элементов как почвы для создания литературного произведения является одной из самых важных характеристик

¹ А. Флакер в своей книге *Стилевые формации (Stilske formacije, 1976)* считает Гоголя писателем, который принадлежит именно раннему реализму.

² Вопрос о появлении животного и существует ли связи между тем и смертью Пульхерии Ивановны в конце повести остается открытым, как и момент когда Афанасий Иванович слышит голос уже умершей Пульхерии Ивановны. Во всяком случае, нет прямого изображения чего-то фантастического.

романтизма (Bobinas 2012: 67). В цикле *Вечера на хуторе близ Диканьки* описывается культура, материальное и нематериальное наследие Украины. Описываются обычаи, обряды, музыка и еда, жизнь людей, их одежда и сооружения. Романтизм включает в себя настоящий энтузиазм по отношению к искреннему народному духу (там же: 91), из-за чего эти элементы можно анализировать сквозь призму романтического творчества.

2. Романтизм и фольклорные элементы в *Вечерах на хуторе близ Диканьки*

2.1. Романтизм и отношение к легендам

Анализ сквозь призму романтического начала можно начать с названия цикла. Оно само по себе значительно, и рассказчик Рудый Панько приглашает читателя провести вечер с ним на природе и у хутора. Атмосфера ночи характерна именно для романтических произведений, потому что романтизм имеет интерес к мрачным и ночным сторонам человека и природы (Bobinas 2012: 248). Кроме названия, почва почти всех³ повестей в цикле ложится на народной жизни: «Реализация установки на национально-характерное открывала практически неограниченное поле изображения — народных и исторических типов, нравов, обычаев, сцен, происшествий» (Манн 1976: 326). Как я уже намекнула в Введении, романтические произведения часто черпали элементы, фигуры, образы характеров и сюжеты из фольклора и легенд. Гоголь в цикле часто создает свой художественный мир в рамках праздников и обрядов: «Одной из самых характерных особенностей художественного мира Гоголя является яркое и детальное изображение различных народных обычаев и обрядов, включение в образную систему произведений значительного фольклорного материала, связанного с народными праздниками» (Гольденберг 2012: 13). Например, сюжет *Вечера накануне Ивана Купала* взят из легенды о магических способностях, которые человек может получить, о чем пойдет речь ниже. Важно подчеркнуть, что рассказчики Рудый Панько и Фома Григорьевич ссылаются на легенды и материал из фольклорных сказок, но это дано в совсем романтической форме, потому что сам романтизм проявляет интерес к народному духу (Bobinas 2012: 91).

2.2. Герой в романтизме

³ В повести *Иван Федорович Шпонька и его тетушка* нет фантастических элементов из фольклора и эту повесть можно считать одной из первых произведений Гоголя с реалистическими элементами.

Массовые сцены характерны для *Вечеров*, что видно в разных описаниях народного веселья, и в выборе места действия повести. Например, место действия сюжета в *Сорочинской ярмарке* происходит на ярмарке, которая существует в образе площади, на которой можно встретить разных людей, живущих вокруг Сорочинцев. Таким способом, из фольклора взяты не только действия, а и «[...] персонажи, и тематика, и даже некоторые стороны языка» (Исаченко 2003: 70). В создании сцен использованы разнообразные фольклорные элементы и сказовые мотивы: «[...] основа Гоголевского текста — сказ, что текст его слагается из живых речевых представлений и речевых эмоций» (Эйхенбаум 1918: 5). Рассказчики Рудый Панько и Фома Григорьевич таким способом обращаются к своим слушателям.

Кроме такой манеры повествования, существуют и сказочные мотивы. Возьмем за пример пару из *Сорочинской ярмарки*, как сделан образ Хиври:

[...] ей стоило упросить отца взять с собою, который и душою рад бы был это сделать прежде, если бы не злая мачеха, выучившаяся держать его в руках так же ловко, как он вожжи своей старой кобылы [...] (Гоголь 1976).

В характере Хиври виден типичный образ мачехи и влияние сказочных мотивов. Хивря невежливая, неприятная женщина, которая не очень любит детей своего нового мужа. В связи с ее характером является и мотив супружеской измены, как юмористическая часть сцены, когда она скрывает поповича под потолок. Рядом с таким образом мачехи является образ отца, который не ругается, не мешает супруге, когда она устраивает сцены и скандалит. Перед своей женой, он почти робок. В его имени — Черевик — окраска насмешки, потому что оно звучит как женская обувь.⁴ С тем все сказано, он характер подкаблучник. Гавриэль Шапиро пишет о влиянии вертепа, старинного кукольного театра, на Гоголя в создании этой ситуации супружеской измены, где типичен образ изменчивой супруги, похотливого попа и глупого мужа (Shapiro 1993: 39).

2.3. Романтизм и фантастика

⁴ Дефиниция взята с gramota.ru: Черевик — женская обувь Украины и в южных областях России, это женские сапоги на каблуках; вообще женские башмаки.

Все повести в *Вечерах*, кроме *Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки*, содержат фантастику. В большинстве повестях цикла существует главная сюжетная линия, которая состоит из какого-то намерения главного героя добраться до своей цели. Целью Левко и Вакулы является любовь возлюбленной; в случае деда Фоме Григорьевича это было путешествие, а в *Заколдованном месте* поиск клада. Во всех⁵ этих сюжетных линиях вмешивается сверхъестественная сила. Образ этой сверхъестественной силы взят из фольклора:

Поиски иного мира, отличного от реально существующего, явились еще одним основанием для использования в романтическом искусстве «универсальных» художественных форм, особенно фантастических, заимствованных из устного народного творчества и народных поверий, из древней мифологии и религиозных представлений, — а также созданных заново, по аналогии с традиционной образной фантастикой (Манн, Неупокоева, Фохт 1973: 24).

Сверхъестественная сила в *Вечерах* не совсем иной мир — она одомашнивается: «В „Вечерах“ демонологическое суждение звучит изнутри мира, стремящегося к суверенности» (Манн 1976: 337). Гоголевский художественный мир не мир фантастики, а фантастика является частью мира и это важно подчеркнуть, потому что демоны, черти и ведьмы настоящая часть мира Диканьки. Они сельские жители, как и люди. Посмотрим, как сделан образ черта в *Ночи перед Рождеством*:

[...] так сделалось холодно, что черт перепрыгивал с одного копыта на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мерзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на рождество колбасу. (Гоголь 1976).

В этой цитате образ черта совсем не страшный — он смешной, и взят из народного предания, и смешного типа кукольного народного театра (Shapiro 1993: 57). Такое описание служит процессу одомашнивания злой силы (или дедемонизации, как этот

⁵ *Страшная месть* здесь является исключением, потому что сверхъестественная сила существует *ab initio*, еще в предыстории самой повести, она не вмешивается в сюжет после сказанной цели героя.

процесс называет Манн⁶). В этом процессе черт сравнивается с людьми, у него совершенно человеческие слабости, дурные привычки и недостатки. В *Ночи перед Рождеством* он любовник ведьмы Солохи, как и многие другие мужчины в деревне; черт в *Сорочинской ярмарке* пьяница и потерял свою свитку из-за питья. Черт непрямым способом сравнен с Грицько, который может выпить огромное количество алкоголя, как и он сам. Сравнение черта с человеком служит при представлении черта как чего-то домашнего.⁷

2.4. Эмоциональность и атмосфера произведения

Иногда в гоголевском тексте образ сверхъестественной силы действительно страшен. Романтическая обработка фольклорных элементов иногда любила подчеркнуть страшную сторону сверхъестественного существа и создать такое изображение, которое одновременно тащит своей таинственной природой и чья нечеловечность отталкивает (Bobinas 2012: 254). Об этом свидетельствует множество русских писателей, которые писали о русалках (как например Лермонтов в своем стихотворении *Русалка* и Пушкин в своей незаконченной пьесе *Русалка*). Один из самых популярных примеров такой злой силы в европейском романтизме — баллада Гёте *Лесной царь*. Гёте взял материал из немецкого фольклора и в балладе четко изобразил страшное существо, которое привлекательно, но опасно для людей. Лесной царь в балладе красив, но страшен. Он нагоняет отца и его ребенка, пугает ребенка и в конце баллады ребенок мертв, но неизвестно виноват ли лесной царь или нет. Похоже, таким романтическим образом Гоголь создал русалок — они красивые молодые женщины, но отозваться их зову приводит к опасности, а оказаться в их объятиях приносит смерть в холодной глубине реки. Такие романтические изображения фольклорных элементов имеют важную функцию вызывания интенсивных эмоций в читателе. Возьмем за пример описание домика и пруда в повести *Майская ночь, или Утопленница*:

⁶ «Народная смеховая культура на протяжении нескольких веков выработала устойчивые традиции опрошения, дедемонизации и одомашнивания христианско-мифологических образов зла» (Манн 1978: 23).

⁷ Можно упомянуть, что в случае *Сорочинской ярмарки* сравнение служит процессу одомашнивания черта, но может говорить что-то другое, когда речь идет о Грицько. Сравнение обычно не бывает односторонним и может указывать и на то, что у Грицько и черта был сговор, хотя в тексте не подтверждено кто, на самом деле, имел сговор с чертом.

Как бессильный старец, держал он в холодных объятиях своих далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцелуями огненные звезды, которые тускло реяли среди теплого ночного воздуха, как бы предчувствуя скорое появление блистательного царя ночи. Возле леса, на горе, дремал с закрытыми ставнями старый деревянный дом; мох и дикая трава покрывали его крышу; кудрявые яблони разрослись перед его окнами; лес, обнимая своею тенью, бросал на него дикую мрачность; ореховая роща стлалась у подножия его и скатывалась к пруду. (Гоголь 1976).

Это описание многоцветное во всех своих темных оттенках, полное эпитетов, описывающих темноту ночи и ее мистику. Здесь ночь глубокая, домик описан почти как живое существо, а мрачность дикая. Лес стоит позади, почти погружая дом в свои тени. Создание такой мрачной атмосферы и описание неизвестности и темноты глубокой воды и тени леса таким богатым языком имеет функцию вызвать интенсивные эмоции. При этом важно чувство страха, а иногда даже отвращения. *Вечер накануне Ивана Купала* и *Страшная месь* написанные таким образом, вызывают именно такой эффект. Сцена насильственной смерти Ивася в *Вечере накануне Ивана Купала* и все, что делает колдун в *Страшной мести* самые яркие примеры в цикле, вызывающие страх и отвращение. Так называемые «страшные» повести и романы в английском романтизме были популярными, а целью повествования — вызвать у читателей чувство концептуально названное *sublime*, т. е. чувство страха и восхищения одновременно, чувство благоговения и неудобства (Bobinas 2012: 66). Из того следует, что интенсивные эмоции вызваны текстом являются самыми важными как воплощение эстетики в романтизме.

Как воплощение эстетики романтизма существуют и описания природы. Рассказчик начинает свое повествование цикла в повести *Сорочинская ярмарка* с описания летнего дня и природы, а в *Страшной мести* описывает Днепр. Эти места не мистические или выдуманные, но описываются как чудо. Кроме этого, в контексте повестях сверхъестественная сила представляет часть природы: «Зеркальная водная поверхность может выступать как проницаемая граница между миром земным и потусторонним» (Гольденберг 2012: 53). Это видно и в *Майской ночи* в образе картины избы, которая через отражение в воде перед глазами Левко превращается из страшного места в обычное и наоборот. Русалки и злые духи живут в реках. Таким способом природа Диканьки в себе заключает все — и людей, живущих в ней, и существа из их легенд.

3. Материальное культурное наследие

3.1. Деревня и вокруг нее

Как обсуждено в предыдущей главе, романтизм черпал материал из фольклора и народной жизни, и этот материал обработан способами характерными именно для романтических произведений. В этой главе обсудим конкретный фольклорный материал, который Гоголь использовал. Фома Григорьевич в повести *Вечер накануне Ивана Купала* своим слушателям рассказывает о том, как их село выглядело раньше:

[...] нашего села и не узнал бы никто: хутор, самый бедный хутор! Избенок десять, не обмазанных, не укрытых, торчало то сям, то там, посреди поля. Ни плетня ни сарая порядочного, где бы поставить скотину или воз. Это ж еще богачи так жили; а досмотрели бы на нашу братью, на голь: вырытая в земле яма — вот вам и хата! (Гоголь 1976).

В этой цитате четко описаны сооружения села в прошлом — несколько изб, нет сарая ни амбара, даже ни плетни ни этого, что лишь позднее стало традиционной хатой. Рассказчик читателю тоже дает узнать, что считается обыкновенной хатой во время рассказывания этой повести, т. е. хаты должны быть укрытыми и обмазанными, около них обычно какое-то место, где можно поставить животных и воз. Дан и оттенок разницы в социальном положении между жителями села: богатые жили в избах, а для остальных яма в земле служила как дом.

В *Вечерах* изображены разные виды хат, обычно учитывая насколько богат, или наоборот беден, ее хозяин. В *Страшной мести* самое подробное описание внутренности хаты в цикле:

Невысокие у него хоромы: хата на вид как и у простых козаков, и в ней одна светлица; но есть где поместиться там и ему, и жене его, и старой прислужнице, и десяти отборным молодцам. Вокруг стен вверху идут дубовые полки. Густо на них стоят миски, горшки для трапезы. Есть меж ними и кубки серебряные, и чарки, оправленные в золото, дарственные и добытые на войне. Ниже висят

дорогие мушкеты, сабли, пищали, копья. Волею и неволею перешли они от татар, турок и ляхов [...] (там же).

В примере выделяется хата казака, бывшего недавно на войне, на что указывают все выделенные предметы, которые он взял от других военных или снял с убитых. Это своего рода декорации, но, прежде всего, это военные трофеи Данила. Кроме этого, материал из которого сделаны предметы в хате — дерево. Дерево как материал не могли употреблять все. В *Иване Федоровиче Шпоньке и его тетушке* рассказчик замечает, что дом у него «[...] не под очеретяною, как у многих окружных помещиков, но под деревянною крышею» (там же). Иван Федорович состоятельный помещик, и рассказчик к этому факту привлекает внимание, упоминая, что даже крыши его амбаров деревянные, а ворота дубовые. О его богатстве говорит и множество сельскохозяйственных продуктов, лежа на его дворе, и сушившихся на крыше. Это «[...] множество ряден с пшеницею, просом и ячменем [...] разного рода трав: петровых батогов, нечуй-ветра и других» (там же).

И. Е. Репин: *Украинская хата*, 1880

От этих примеров отличается Панас, кум Чуба из *Ночи перед Рождеством*. Панас и его жена бедные и их хата «[...] была вдвое старше шаровар волостного писаря, крыша в некоторых местах была без соломы. Плетня видны были одни остатки [...] Печь не

топилась дня по три» (там же). У них даже нет денег, чтобы поставить солому на крыше. Следует, что вообще нет возможности использовать дерево и создать плетню. Важно упоминание печи. Печь была центральной, самой важной частью дома. Центральное место печи, это место где готовится еда, где зимой люди спят; около печи люди садятся в кружках и общаются. Другими словами, печь имеет важную функцию в материальном и социальном смысле. Панас и его жена действительно бедные люди в любом смысле этого слова — состояние их печи свидетельствует об этом.

Артефакты около хаты также важны и говорят об образе жизни сельских людей, например, как найти чью-то хату: «[...] когда увидите на дворе большой шест с перепелом [...] то это его двор» (там же). На доме не было написанного адреса и номера, но перед домом были разные вещи, которые делали этот дом различным от других. Описания таких полезных вещей немало. В *Сорочинской ярмарке* изображен способ создания светильника, где человек «[...] с каганцом в руках, обыкновенною малороссийскою светильнею, состоящею из разбитого черепка, налитого бараньим жиром, отправился, освещая дорогу» (там же). Жизнь не остановилась после заката, люди продолжали идти куда-то. Когда-то было надо остановиться, а тогда они это делали в шинках или постоянных дворах, на которых они обычно спали под открытым небом и «[...] под поветками, в яслях, в сенях, иной свернувшись, другой развернувшись, храпели, как коты» (там же).

3.2. Внешность, одежда и аксессуары

В цикле много описаний внешности характеров, например как сразу узнать запорожца по его внешнему виду⁸: «Красные, как жар, шаровары, синий жупан, яркий цветной пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты — запорожец, да и только!» (Гоголь 1976). Как и в случае их домов, через одежду тоже изображено социальное сословие характеров. Большинство людей на деревне носят свитки, как голова села из *Майской ночи* носит «[...] всегда свитку черного домашнего сукна, перепоясывается шерстяным цветным поясом [...]» (там же). Голова богат, но у него нет пристрастия к изысканной одежде, и он носит что и другие жители села. Материал одежды обычно из сукна и меха, со цветными узорами на поясах у мужчин и юбках у женщин. Иногда такие

⁸ Щапино в своей книге *Николай Гоголь и культурное наследие барокко (Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage, 1993)* пишет, что такой образ запорожца типичен в вертеле.

узоры были вышиты красным шелком, но шелк не материал для всех. Пример роскошного украшения одежды можно найти в повести *Майская ночь*, когда русалка говорит Левко, что она ему даст одежду вышитую «[...] шелком, кораллы, ожерелья [...] пояс, унизанный жемчугом» (там же). Кроме шелка, существуют и другие материалы, которые использовали люди более богатого социального уровня — в *Страшной мести* сапоги у Катерины с «серебряными подковами», а у Пидорки в *Вечере накануне Ивана Купала* «шитый золотом кунтуш». Существует и разница между людьми из прошлого и людей во время рассказывания:

Прежде [...] один судья да городничий хаживали зимою в крытых сукном тулупах, а все мелкое чиновничество носило просто нагольные; теперь же и заседатель и подкоморий отсмалили себе новые шубы из решетиловских смушек с суконною покрывкою. Канцелярист и волостной писарь третьего году взяли синей китайки по шести гривен аршин. Пономарь сделал себе нанковые на лето шаровары [...] (там же).

В *Ночи перед Рождеством* описываются черевика царицы. Рассказчик комментирует, что в прошлом чиновники носили такую же одежду, какую носили и обычные жители сел, но с ростом бюрократии в Империи их положение в обществе улучшается и они носят более роскошную одежду.

4. Нематериальное культурное наследие

4.1. Еда и телесность

Описания еды в цикле чаще всего связаны с каким-то праздником или обрядом: «Еда, питье и половая жизнь в этих рассказах носят праздничный, карнавалльно-масленичный характер» (Бахтин 1975: 485). В *Вечерах* еда и принятие еды часто социальное событие. Во время еды начинается разговор, она в центре внимания в изображениях свадеб и праздников. В *Страшной мести* традиционные иконы важны настолько, насколько еда и питье перед гостями: «[...] варенуху с изюмом и сливами и на немалом блюде коровой. Музыканты принялись за исподку его, спеченную вместе с деньгами [...]» (Гоголь 1976). В *Ночи перед Рождеством* Вакула смотрит как Пацюк ест вареники, думает о самом процессе и замечает, что вареники нужно «сперва обмакнуть в сметану» (там же). Вакула

потом вспомнит, что в ночи перед Рождеством нельзя есть вареники: «[...] сегодня голодная кутья» (там же). Суть в том, что Пацюк «знахарь». Он не следит за правилами и христианской традицией, и это видно именно сквозь образ еды. Такой прием Манн называет «[...] прием исключения: то, что характеризует колдуна, принадлежит только ему, единственно в своем роде» (Манн 1978: 45). Таким образом сформирован и характер колдуна в *Страшной мести*. Он не принадлежит миру человеческому, он отчужден от всего рода человеческого, как и от православного, так и от католического рода, от турков, швед. Прежде всего, это видно в его отрицании от еды; когда колдуну поставили на стол «[...] жареного кабана с капустою и сливами» (Гоголь 1976), он от этого отказывается, как и от других блюд и питья. Это один из самых ранних признаков того, что он не совсем обыкновенный человек. Еда и питье являются важными в обществе как одни из основных элементов телесности:

Еда — существенное дело, поглощение еды — похвальная человеческая способность. [...] Еще более похвальна и способность к питью — вновь обильному, во всю ширь природы. [...] Все это говорит о том, какое место приобретает в сознании персонажей физическое и телесное начало [...] не изолированно, но указывает на нечто более высокое; иначе говоря, с ним связана духовность ранней, «героической» эпохи народной жизни (Манн 1978: 135).

В *Страшной мести*, Данило считает еду и питье хорошей характеристикой человека и настоящего казака. Иерархия физического над духовным тоже четко выделяется в *Сорочинской ярмарке*, где отец Параски, Солопий Черевик, считает Грицько хорошим будущим мужем для его дочери, и вообще хорошим парнем, потому что Грицько в состоянии выпить большое количество алкоголя.

4.2. Обычаи и праздники

В цикле много попутных упоминаний ежедневного поведения людей и обычаев народной жизни. Здесь описание, как люди ведут себя, какое их отношение друг с другом на улицах, при встрече на ярмарке: «Много встречных, и особливо молодых парубков, брались за шапку, поравнявшись с нашим мужиком» (Гоголь 1976). Изображены суеверия разного рода, например, в *Сорочинской ярмарке* Черевик бормочет себе под нос, что ярмарка является проклятой, потому что «[...] на душе было так тяжело, как

будто кто взвалил на тебя дохлую корову, и волы два раза сами поворачивали домой» (там же), а это всегда плохой признак. Существует поверье, что злую силу возможно вызвать речью и тогда тяжело будет освободиться от нее: «„А чтоб ты подавился этими галушками!“ — подумала голодная теща; как вдруг тот поперхнулся и упал. Кинулись к нему — и дух вон. Удавился.» (там же). Эту историю рассказывает винокур в *Майской ночи* и добавляет, что дух этого человека гнался за его тетушкой после его смерти, потому что речь ее вызвала его смерть. Таким способом обыкновенная жизнь сливается с потусторонним миром:

Метаморфозы, происходящие у Гоголя с предметами и людьми, свидетельствуют об общем состоянии мира, его загадочной, двойнической природе. Эту особенность гоголевской поэтики справедливо принято объяснять ее романтическими истоками (Гольденберг 2012: 85).

Таковыми являются ведьмы и черты, которые, меняя свой облик, существуют как воплощение этого архетипа, взятого из народного предания. Места происшествий тоже не являются исключением от этого влияния: «Гоголевское заколдованное место — реализация фольклорного мотива „обморочного места“» (Манн 1978: 20). Время действия некоторых повестей происходит, как их названия говорят «вечером», «ночью», «накануне Ивана Купала», «перед Рождеством», в конкретные праздники. В этих повестях изображены обычаи, связанные с ними. Поверья связаны с Иванщиной⁹ являются древними и мистическими, а в *Ночи перед Рождеством* детально описан очень важный обычай колядования: «Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу» (Гоголь 1976). Изображение этих народных поверий и народных праздников содействует карнавальной атмосфере и праздничному характеру повестей в *Вечерах*.

4.3. Музыка, песни и танцы

⁹ Дефиниция взята из *Толкового словаря русского языка* Д. Н. Ушакова: У православных — праздник 24 июня ст. стиля, посвященный т. наз. Иоанну Крестителю.

Праздничную атмосферу обогащают и описания разных танцев и песен. Много героев в цикле танцует народные танцы какими являются гопак, горлица и казачок. Сцены танцев обычно веселые и иногда смешные, как в случае Каленика в *Майской ночи*, танцующего гопак на улице. В *Пропавшей грамоте* рассказчик описывает свободу движений и чувств, причем речь идет тоже о гопаке: «Да ведь как пустится: ноги отплясывают, словно веретено в бабьих руках; что вихорь, дернет рукою по всем струнам бандуры и тут же, подпершись в боки, несется впрысядку; зальется песней — душа гуляет!» (Гоголь 1976). В этом смысле танец существует как «[...] знак нерасчлененности и слитности народного коллектива, объясняет пристрастие писателя к соответствующим сценам» (Манн 1978: 16). Рядом с танцами много упоминаний различных музыкальных инструментов, как «бандура» и «скрипка», и много разных народных песен. В *Майской ночи* несколько разных типов песен. Левко музыкант и в начале повести поет под окном Ганны любовную песню:

«Сонце низенько, вечір близенько,
Вийди до мене, мое серденько!» (Гоголь 1976).

Позже, Левко с остальными сельскими парнями поют песню, через которую издеваются над головой села:

«Хлопцы, слыхали ли вы?
Наши ль головы не крепки!» (там же).

Существует и изображение праздничных песен, как в *Ночи перед Рождеством*:

«Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кільце ковбаски!» (там же).

Молодые парни и девушки поют щедрик, песню, звучавшую в ночи около Нового года и во время колядования. За эту песню они получают подарки, т. е. песня и музицирование являются одними из самых важных частей самого процесса колядования и вообще, народного коллектива.

5. Заключение

Несмотря на то, что Гоголь действительно один из самых важных писателей стилевой формации реализма, в рамках анализа его первого прозаического цикла *Вечера на хуторе близ Диканьки*, Гоголя действительно возможно считать и романтическим писателем. Почва, на которой создан мир Диканьки в цикле, фольклорная. Это народные предания, легенды и поверья. Сам цикл читателям дан в рамках устной традиции, сплетни как повествовательного принципа (Vojvodić 2000: 36), преданий и историй с поколения на поколение. Дед Фомы Григорьевича рассказывал ему разные повести, когда он был ребенком, а потом Фома Григорьевич рассказывает эти повести новому поколению, о котором он говорит: «Нет, мне пуще всего наши дивчата и молодичицы; покажись только на глаза им: „Фома Григорьевич! Фома Григорьевич! А нуте яку-небусь страховинну казачку!“» (Гоголь 1976). Устная традиция и употребление выражений свойственных Диканьке в повестях стоят как носители нематериального культурного наследия и фольклора. Кроме нематериального культурного наследия, в *Вечерах* конкретно даны описания домов людей разных социальных сословий и материальная культура народа. Гоголь путем рассказчиков Рудого Панько и Фомы Григорьевича дает обычаи и обряды, например: что люди делали в ночи перед Рождеством, как колядовали и какие песни пели. Мы видим, каким образом праздновали, как выглядели их свадьбы и как танцевали. В цикле изображены легенды жителей Диканьки, их суеверия и отношения к сверхъестественной силе. Обработкой фольклорного материала он создал особенный мир и образ Диканьки, который в вечности искусства таким останется навсегда, как один из самых блестящих примеров романтического творчества.

Литература

- Бахтин, Михаил Михайлович (1975) «Рабле и Гоголь: (Искусство слова и народная смеховая культура)» в: *Вопросы литературы и эстетики: Исследования разных лет*. <http://feb-web.ru/feb/gogol/critics/bah/bah-484-.htm>. 26 июня 2022.
- Гоголь, Николай Васильевич (1976) *Вечера на хуторе близ Диканьки*. Москва: Художественная литература. <http://public-library.ru/Gogol.Nikolai/vechera.html>. 27 октября 2021.
- Гольденберг, Аркадий Хаимович (2012) *Архетипы в поэтике Н. В. Гоголя: монография*. Москва: Флинта: Наука.
- Эйхенбаум, Борис Михайлович (1918) *Как сделана „Шинель“ Гоголя*. https://www.rulit.me/data/programs/resources/pdf/Boris_Mihaylovich_Eyhenbaum_Ka_k_sdelana_Shinel_Gogolya_RuLit_Me_445807.pdf?ysclid=17kpezttuw452628608. 26 августа 2022.
- Исаченко, Александр Васильевич (2003) *Николай Васильевич Гоголь и проблемы русского реализма*. Братислава: Univerzita Komenského v Bratislave, Katedra ruského jazyka a literatury Filozofickej fakulty.
- Манн, Юрий В., Неупокоева, Ирина Г., и Фохт, Ульрих Р., (ред. колл.) (1973) *К истории русского романтизма*. Москва: Наука.
- Манн, Юрий Владимирович (1976) *Поэтика русского романтизма*. Москва: Наука.
- Манн, Юрий Владимирович (1978) *Поэтика Гоголя*. Москва: Художественная литература.
- Ушаков, Дмитрий Николаевич (1934—1940 гг.) *Толковый словарь русского языка*. <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/0ush.htmю>. 14 сентября 2022.
- Bobinas, Marijan (2012) *Uvod u romantizam*. Zagreb: Leykam International d.o.o.
- Flaker, Aleksandar (1976) *Stilske formacije*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber.
- Shapiro, Gavriel (1993) *Nikolai Gogol and the Baroque Cultural Heritage*. Pennsylvania: The Pennsylvania State University Press University Park.
- Vojvodić, Jasmina (2000) “Gogolj je pisao tračeve” u: *Književna smotra XXXII* (2000), 115-116 (1-2); str. 35-41. Zagreb: Hrvatsko filološko društvo.

Slika

File:Khata by Repin.jpg." *Wikimedia Commons*. 3 янв 2022, 16:02 UTC.
https://commons.wikimedia.org/w/index.php?title=File:Khata_by_Repin.jpg&oldid=6190218
83. 2 июля 2022.

Sažetak

Rano Gogoljevo stvaralaštvo je neiscrpan izvor za analizu folklora te materijalne i nematerijalne kulturne baštine njegovoga rodnog kraja. Uz bogatstvo opisa načina života ljudi, običaja i legendi iz naroda, njegov ciklus *Večeri u zaselku kraj Dikan'ke* (*Večera na hutore bliz Dikan'ki*) poseban je po obradi folklornog materijala na način svojstven romantizmu, po čemu se razlikuje od njegovoga kasnijeg stvaralaštva. Ovaj rad bavi se analizom folklornog materijala u ciklusu pripovijesti *Večeri u zaselku kraj Dikan'ke* kroz prizmu romantičarskog načina stvaranja.

Ključne riječi

Gogol', folklor, rano stvaralaštvo, kulturna baština, romantizam

Ключевые слова

Гоголь, фольклор, ранние произведения, культурное наследие, романтизм

Životopis

Tena Oštrek rođena je godine 1992. u Karlovcu, gdje je završila osnovnu školu i gimnaziju. Godine 2017. upisala je preddiplomski studij engleskog i ruskog jezika i književnosti na Filozofskom fakultetu u Zagrebu, a 2022. upisuje diplomski studij iz oba smjera. U slobodno vrijeme voli čitati knjige, šetati lijepim karlovačkim parkovima i baviti se cvjetnjakom iza svoje kuće. Kad vani postane prehladno za poslove u cvjetnjaku, voli štrikati uz glazbu.